

ОЛЕГ МОРЯНИН

Каффа

Книга третья

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6
М80

Морянин О.

М80 Каффа : Книга третья : [роман] / Олег Морянин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 354 с. — (Серия «Хроники Каффы»).

ISBN 978-5-517-07388-4

Продолжение истории молодого синьора Антонио из генуэзского дома дель Франко, покинувшего родную Геную и отправившегося на службу в газарийские колонии. Поиски возлюбленной оборачиваются для Антонио чередой новых испытаний, на протяжении которых ему доводится принять посольскую грамоту, сразиться с разбойниками и отвечать на княжеском суде.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07388-4

© Морянин О., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

TEMPERANTUR¹

¹ Решение (*лат.*).

...но все решения его — от Господа.

Книга притчей Соломоновых, 16:33

В келье было холодно и сыро. Если бы не толстое тяжёлое покрывало, шитое из бараньих шкур, я бы основательно продрог. В щель между ставнями струился ночной, промокший в дождливой степи, ветер. Он постукивал расшатанной дверью, закрытой на крючок, и заставлял трепетать огарок свечи, тающий в глиняном черепке. Всю ночь сквозь сон я чувствовал щекой его длинные холодящие прикосновения. Слышно было, как в коридоре на каменные плиты пола капает вода. Изредка капает она и в самой келье, мерно булькая в подставленную чернецами деревянную шайку.

Нет ничего более унылого, нежели звук монотонно падающих капель воды.

Прежде я любил бывать в монастырях. Строгий порядок таился в аскезе обитателей, но в этой простоте, помимо покоя, для меня всегда находился и уют. Нынче же и здесь мне всё казалось худо.

Я проснулся задолго перед рассветом и, едва вынырнув из прерывистой сонной неги, погрузился в беспокойные волны раздумий.

Как всё же заняты, как неисповедимы пути...

Что ж, моя Каффа¹ продолжалась, пусть я и покинул стены города, но именно это ощущение... ощущение присутствия в Каффе, не покидало меня. Мне подумалось о том, что когда-то давно, оставив Геную, я ведь отправился именно в Каффу. И теперь, сколь много времени ни пройдёт, сколь много городов я ни увижу, да обойди я хоть весь подлунный мир, события для меня всё одно будут разделяться на те, что случились до того, как я в Каффу ушёл, и на те, что случатся после того, как я вернусь оттуда. И домой, в Геную, откуда бы я ни возвратился, для всех, и для самого себя я приду именно оттуда... из Каффы. Так будет казаться всем, и мне, наверное, тоже.

— Моя Каффа, похоже, заканчивается, — утомившись, когда-то решил для себя мой мудрый друг Бернардо.

¹ Совр. г. Феодосия.

Что ж, вольному — воля. Мне же ещё рано отказываться от данного мне пути.

Да, моя Каффа продолжалась, из искушения городом превращаясь в испытание дорогой. Дорогой судьбы, которая, петляя удивительными изгибами, проходя сквозь завалы препятствий и скользя по самой кромке гибельных обрывов, ведёт меня к столь далёкой и столь желанной цели. Я чувствовал, что нынче во мне будет испытано всё: сила разума, духа, плоти, а главное, конечно, искренность любви.

Я не раз ловил себя на мысли, что укрепившееся во мне рвение слишком сходно с... одержимостью. Что ж, пусть так. Эта одержимость уверенно занимала и помыслы мои, и душу, придавая сил и увлекая всё далее по дарованной мне свыше стезе.

Ещё я задавал себе вопрос: так что же на самом деле устремляло меня в этот путь? Любовь ли? Глубочайшая ли мера раскаяния или же зов чести? А может быть, жалость? Или того хуже — одно лишь тщеславное желание доказать всему миру и самому себе, что я могу и сумею исправить допущенную нелепую ошибку? Желание вопреки всему дойти, победить, добиться? В своих раздумьях, чутко прислушиваясь к собственной душе, я, конечно, всякий раз отбрасывал сомнения и уверялся в том, что причина этого рвения заключена именно в Любви. Блуждая рассудком среди прочих колебаний, я нисколько не сомневался в самой необходимости отправиться в путь.

В подобные нынешним редким и зыбким мгновениям покоя я возвращался в мыслях к истоку этого путешествия.

* * *

Я вспоминал, как в город пришёл газарийский сентябрь, безветренный, сухой и солнечный. Спокойный этот сентябрь особенно подчёркивал трагизм охватившей Каффу беды. Впрочем, к этому времени борьба между жизнью и смертью превратилась в привычную рутину. Заболевших и умерших тогда насчитывалось уже гораздо больше половины города. И хотя казалось, что волна смерти опустошает всю землю, на удивление немало горожан осталось и вовсе нетронутым мором. Волею Господа, и я оказался среди этих счастливых. При этом не все охваченные хворью прощались с жизнью. Спустя полтора месяца выяснилось, что едва ли не четверть больных, пусть и будучи ослабленными донельзя, всё же выживали.

Среди тех, кто справился со страшным недугом, был и синьор Атерно, консульский викарий. Он всё чаще стал появляться в Лоджии, поначалу

больше слушая и почти не вмешиваясь в дела Коммуны. До тех пор мне с немногими оффициями пришлось исполнять все заботы, присущие консульскому званию. Подобного возвышения мне не доводилось видеть и в самых честолюбивых снах, однако ж, сие положение воспринималось мною безо всякой отрады. Я, пожалуй, долгое время даже и не пытался осознать всей его достоверности.

О том, что происходило внутри стен Консульского Дворца, нам было известно совсем немного. Обессиленная потерями чета Гримальди совершенно замкнулась, и наши попытки посетить Дворец, чтобы пообщаться с упавшим духом правителем, не приводили к успеху.

Впрочем, однажды рано утром мне всё же удалось свидеться с его Светлейшеством. Стражи вдруг пропустили меня в малую тенистую галерею, посреди которой, на простом стуле, ссутулившись, сидел Эрмирио Гримальди. Он был укутан в некую плотную ткань с цветным узором, походящую на стеной гобелен. Моё появление Консула никак не встревожило. Не расстроило, не обрадовало и не напугало. Приветствие моё, слова беспокойства и довольно длинный доклад о положении вещей в городе не произвели на него никакого воздействия. Его Светлейшество, не глядя на меня, лишь безучастно кивал и немного раскачивался на стуле. За всё время нашего свидания он не проронил ни слова. Один лишь раз он неожиданно вздрогнул и гневно покосился на стоящих неподалёку оргузиев¹.

Событие это оставило во мне самое гнетущее впечатление, заставив сомневаться даже в том, был ли я узнан. Всё это внушало серьёзные опасения по поводу сохранения светлейшего некогда рассудка.

Татарская же осада ещё в августе сошла на нет. Лагерь в конце концов был оставлен воинством Джанибека. Надо сказать, что каффианцы, измученные своими страданиями и лишениями, даже не обращали особого внимания на то, что сарадины, потрясённые мором, постепенно уходили в Солхат², бросая под стенами города не только копны сена и поленицы дров, но даже и шатры с катапультами.

Тем временем мои мысли всё чаще обращались к образу Миланы и к далёкому городу, скрывающему её от меня.

Новгород, согласно купеческим картам и рассказам знающих людей, располагался на самом отдалённом севере земли руссов. Далее него,

¹ Консульские стражи.

² Совр. г. Старый Крым.

по-видимому, лежали лишь полуночные снежные пустыни и студёные края загадочного народа Йуров. Эти, пусть далёкие, но христианские земли были для меня столь же неведомы и призрачны, как и жаркие, пустынные страны, населённые иноверными сарацинами.

Как всё же велик сей мир!

Само название «Новгород», как оказалось, переводилось с языка русичей как «Nova Civitas»¹ или «Novum Castrum», то есть было оно сродни названию Неаполя и отнюдь не означало «Девять Замков», как мне ложно объясняли когда-то.

Я выяснил, что к этому городу меня могли привести три дороги, каждая из которых была по-своему сложна.

Первая пролегла сухим путём на север, ведя через всю Газарию² и дальнейшие ордынские земли. Этой стезёй можно было выйти к реке Эличе³ и далее водой подняться к южным пределам русских княжеств. Однако поход через края, сплошь населённые злобными сарацинами, с которыми наша война так и не была закончена, не воодушевлял меня нисколько.

Второй путь вёл по Великому морю⁴ на запад, к порту города Монкастро⁵. От него, по реке Дженестро⁶, пройдя через Валахию и огромную, судя по картам, страну Литовию, управляемую могущественными и воинственными славянскими королями, также можно было выйти к вожденным Новгородским землям.

И, наконец, представлялась возможность переправиться из Воспоро⁷ через пролив, миновать Зихию⁸, выйти к реке Итиль⁹ и двинуться по ней на север к Новгороду сквозь дальние татарские поселения и множественные русские королевства, входящие, как мне путано пояснили купцы, в Большую орду.

В своём окончательном выборе я рассуждал следующим образом: ближайшие к Каффе сарацинские земли первого северного пути вмеща-

¹ Новый Город (*лат.*).

² Крым.

³ Река Днепр.

⁴ Чёрное море.

⁵ Совр. г. Белгород-Днестровский.

⁶ Река Днестр.

⁷ Совр. г. Керчь.

⁸ Историческая территория на северо-восточном побережье Чёрного моря. Часть совр. Краснодарского края.

⁹ Река Волга.